

СВЯЩЕННИК
ТИМОФЕЙ АЛФЕРОВ

АПОСТОЛ ТИМОФЕЙ

ОПЫТ ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Тимофей Алферов

**Апостол Тимофей.
Опыт историко-
художественной реконструкции**

«Издательство «Перо»

2020

УДК 23/28
ББК 86.372

Алферов Т.

Апостол Тимофей. Опыт историко-художественной реконструкции
/ Т. Алферов — «Издательство «Перо», 2020

ISBN 978-5-00171-171-1

Читатель Нового Завета обычно не в силах самостоятельно соединить в единое связное повествование деяния св. Апостолов и их послания. Библейская наука помогает это сделать, а предлагаемая книга достигает той же цели, но в художественной форме, более доступной широкому читателю. Как рождались основные темы и идеи апостольского благовестия, с какими трудностями сталкивались, и как послужили спасению иудеев и эллинов, – об этом наш рассказ.

УДК 23/28

ББК 86.372

ISBN 978-5-00171-171-1

© Алферов Т., 2020
© «Издательство «Перо», 2020

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	19

**Священник Тимофей Алферов
Апостол Тимофей. Опыт историко-
художественной реконструкции**

© Священник Тимофей Алферов, 2020

Предисловие

Предлагаемая книга есть историко-художественная реконструкция событий, связанных с проповеднической деятельностью апостола Павла и его учеников и сподвижников на Балканах и в Малой Азии. Сведения об этом содержатся в книге апостола Луки «Деяния святых Апостолов», а также в посланиях самого Павла и некоторых других документах древности.

Историками Нового Завета предпринималось немало попыток собрать все эти сведения в единый сюжет. И он найден задолго до нас. Большинство посланий Павла встроены в рассказ Луки о его путешествиях и достаточно точно датированы. Однако всякое научно-историческое исследование остается суховатым для восприятия современным читателем. К сожалению, современные христиане самых разных конфессий в большинстве своем вовсе не чувствуют для себя нужды знать весь этот «Блок Павла» в Новом Завете в его последовательности и взаимной связи. Если апостольское учение и интересно кому-то само по себе, то оно используется не в целом, соединенном, а в полностью разобранным виде. Берется Павлова цитата для обоснования чего-то, нужного в данный момент, и к ней привешивается вводная конструкция, типа: «Слово Божие учит нас, что...». При таком навыке прочтения апостольского наследия, конечно, не нужны никакие исторические работы по собиранию «Блока Павла» в нечто единое. Но нам думается, что при таком использовании Павловых цитат, он в целом, как религиозный мыслитель, так и остается неизвестным и непонятым для тех, кто его цитирует. Библия вообще отражает некий целостный исторический сюжет, где люди ищут Бога, а Бог открывается им последовательно, по мере их готовности и по своей благой и разумной воле. Библия не есть картотека афоризмов и цитат. И вот, мы здесь воспроизводим восстановленный учеными небольшой фрагмент общего библейского сюжета, в центре которого проповедь апостола Павла и его учеников.

Опыт показал, что современный читатель легче усваивает литературу в художественной форме. Это оказалось настоящим открытием для автора книги, в силу чего и выбрана здесь именно художественная форма. Впрочем, только форма! Ни повести, ни романа вы здесь не найдете, потому что главная цель автора остается исторической: увязать, раскрыть и донести реальные события, а не свои сюжеты или свои какие-то нравственные уроки.

Художественное, связанное повествование разворачивается и представляется глазами Тимофея – одного из самых ближайших Павловых учеников. Почему выбран именно он? Не только потому, что сам автор когда-то назван в его честь, но главным образом потому, что именно Тимофей чаще других служил писцом и письмоношцем Павлу от самого своего обращения и до конца Павловых дней. Предсмертное письмо Апостола языков обращено именно к нему. Так что возникновение «Корпуса Павла» в Новом Завете происходило при самом активном участии Тимофея. Сравнимым по близости к Павлу с ним является только Лука, личный врач Павла, но скорее всего, он был менее задействован Павлом при написании посланий. У Луки была своя огромная письменная работа над двумя его знаменитыми книгами.

Поэтому избран Тимофей. Но важно было вместе с ним показать еще целую когорту Павловых учеников и сотрудников. Почти все они включены в список т. н. Апостолов от 70, но сведений о них у нас настолько мало, что, по сути, они просто преданы забвению. До какой-то степени исправить это положение и призвана настоящая работа. Эти люди достойны благодарной памяти от нас – хотя бы в той мере, как их любил и ценил сам Павел! Сюжет потребовал ввести и еще минимальное число героев, прототипы которых непременно должны были существовать, но их имена до нас не дошли. В итоге книга, конечно, получилась перегруженной именами, что затрудняет ориентацию в них. В помощь читателю составлен именной указатель в конце книги.

Восстанавливая историю Павловой проповеди, ни один ученый не обходился без собственных предположений, исторических гипотез. Обоснования этих гипотез порой представляются весьма шаткими. Обойтись без повторения старых догадок и без своих домыслов, конечно, не удастся и автору книги, – иначе просто невозможно написать единый гладкий сюжет. Считаю своим долгом каждое, сколько-нибудь значимое, собственное предположение отметить в примечаниях и по возможности обосновать. Без этих примечаний, строго говоря, книга вообще не должна рассматриваться.

Богословие Павла рождалось по ходу его миссии и проповеди. Крайне маловероятно, что какие-то важные его идеи родились у него сами по себе, без связи с теми вопросами и сомнениями, которыми с ним делились его слушатели, его противники, его друзья.

Когда же мы читаем послания Павла, то не слышим этих задаваемых ему вопросов. Основная задача реконструктора как раз в том и состоит, чтобы восстановить этот диалогический процесс, от которого в документах у нас имеется только одна половина. Мы, можно так сравнить, слушаем разговор Павла в комнате по телефону. Его реплики нам слышны, но о репликах собеседника остается только гадать. Нет сомнений, что до какой-то степени эту вторую половину Павлова диалога восстановить все-таки можно. До какой же? Вопрос не легкий, но в любом случае, самого Павла, представленного нам в диалоге, понять будет легче.

Реконструируя мысли и слова людей того времени, мы всячески избегаем «перевода» Павла на смысловой язык отцов Церкви. Это было бы исторически недостоверно. Наши герои говорят так, как говорили именно в их, апостольском веке. По крайней мере, автор к этому стремился. Тринитарных формулировок времен арианских споров, или христологических формулировок времен Халкидонского собора у Павла быть не может, – и это тоже должно быть ясно заранее. Сама тематика, сама богословская повестка того времени очень не похожа на все более поздние времена, но восстанавливаем мы именно апостольскую тематику и повестку.

Поэтому пусть никто не пытается вкладывать автору некие современные богословские подтексты: особенно конфессионально-полемические. Хотел ли, дескать, автор книги тайно покритиковать православных или протестантов или католиков? Сразу говорю: не хотел! Даже к IV веку церковная повестка очень изменилась. Ее тоже нужно нам знать, принятое наследие Церкви, тринитарное и христологическое богословие принимать – это достойно и праведно. Одним только наследием апостолов Церковь последующих времен просто не смогла бы обойтись – и это очевидно. Но недостойно и несправедно будет мысли последующих отцов впикивать прямо в уста апостолов! Мои герои, надеюсь, говорят в понятиях своего века.

Добавим еще, что осмысленное чтение книги практически невозможно без постоянного обращения к карте (лучше всего просто ее запомнить и держать в голове) и к ленте времени. За исключением истории написания Послания к Галатам, о которой в примечании 7 идет особый разговор, остальные Павловы послания согласно и давно расставлены библеистами на ленте времени в свои «карманы», относительная их последовательность и связь с Книгой Деяний является общепринятой. С нее мы и рекомендуем начинать чтение, и по ходу обращаться к ней не раз.

Хронология описываемых событий. Звездочкой указаны даты точные, проверяемые по Иосифу Флавию и Светонию. Прочие даты приблизительны, с точностью плюс-минус год или полтора. Между ними сохраняется лишь указанная относительная последовательность событий.

44* г – посещение апостолами Павлом и Варнавой Иерусалима из Антиохии.

47 г – первое путешествие апостола Павла в Южную Галатию (она же Ликаония и Писидия). Обращение Тимофея к вере.

48 г – Послание к Галатам? (см. подробнее примечание 7).

49 г – Апостольский собор.

50-52* г – посещение Павлом, Силуаном, Лукой и Тимофеем Македонии и Ахаии (Эллады). Второе путешествие Павла. Написание обоих посланий Фессалоникийцам из Коринфа. Проконсульство Галлиона в Ахаии. Павел возвращается оттуда в Иерусалим и затем в Антиохию.

54-58 г – третье путешествие апостола Павла. Просвещение Эфеса и всей Азии и Фригии. Первое послание Коринфянам. Переход из Эфеса через Македонию. Второе послание Коринфянам. Пребывание в Коринфе и Послание к Римлянам.

58 г – арест Павла в Иерусалиме.

60* г – Префектом Иудеи становится Порций Фест. Павла в качестве арестанта отправляют в Рим.

61-62 г – пребывание Павла в Риме под домашним арестом. Послания Ефесянам, Колоссянам, Филиппийцам и Филимону. Конец книги Деяний.

62* г – В период смены префектов Иудеи (Феста сменяет Альбин) мученически погибает апостол Иаков, брат Иисуса. И это очень вероятная дата и повод для написания Павлом из Рима Послания к Евреям.

62-67 г – Написание Павлом посланий к Титу и Тимофею. Не поддающийся подробной датировке последний период жизни Павла.

По установившейся традиции все цитаты из Писания, в каком бы переводе они ни приводились, мы выделяем *курсивом* и оставляем без кавычек.

Глава 1 В Листре

Наша история начинается в 47 году н. э. в городке под названием Листра на юге полуострова Малая Азия. Через полторы тысячи лет там зазвучит турецкая речь, а пока это – юг римской административной провинции Галатия. Здесь живут отдаленные потомки древних хеттов, которых пришлые греки именуют ликаонцами. У них свое наречие, но почти все понимают и по-гречески. Жил здесь и один грек, который женился на еврейке и привез в эти края и жену, и тещу. Здесь он имел свое хозяйство и дом. Родился у них и сын, которому дали интересное имя. Супруги, вероятно, уважали веру друг друга, а потому и сыну подобрали такое имя, которое устраивало обоих. Назвали его почитателем Бога – Тимофеем. Для отца не слишком требовалось уточнение, о каком именно из богов идет речь, а для мамы это выражало надежду, что он все-таки будет чтить ее Бога, единственного, сотворившего небо и землю. Мама верила, что именно ее религия будет усвоена сыном, а не отцовская. Свою веру мама Тимофея хранила крепко, хотя и сама уже носила греческое имя – Евника, что значит: добропобедная. В городке не было синагоги. Вообще, из евреев здесь, кажется, были только две женщины: сама Евника и ее мать, престарелая Лоида. Конечно, мальчик воспитывался вне еврейского закона и традиций, даже не был обрезан, но, тем не менее, мама и бабушка много ему рассказывали из еврейской истории, что сами слышали в своем детстве в синагоге.

К началу нашего рассказа отец мальчика уже умер, а самому Тимофею было примерно пятнадцать лет. Он продолжал ремесло отца, его гончарное дело, и вообще, работал с глиной, начиная от кирпичей и кончая глинобитными печами. Тем и кормилась эта маленькая, неполная семья¹.

Городок был захолустным, единственная его ценность заключалась в дороге. Когда-то римские легионеры расчистили, отсыпали и местами вымостили ее. И соединяла эта дорога западное побережье Малой Азии с самой Сирией. В городке бывали гости и путники, шла и соответствующая торговля. Со стороны дороги до дома Тимофея доходили все новости. Так было и в этот раз.

Евника держала свой лоток с горшками недалеко от гостиницы, как вдруг услышала какой-то шум в гостиничном дворе. Вокруг двух новых странников собрались местные жители и слушали их удивительные, вдохновенные речи. Соседка позвала Евнику:

– Иди сюда, евреи пришли, что-то про своего Бога говорят. Это по твоей части.

Евника тотчас присоединилась к слушателям.

Пришельцев было двое. Один высокий, длинноволосый, с окладистой бородой. Другой пониже, лысеющий, стриженный, лет тридцати пяти на вид, с короткой бородкой, в общем, не яркой внешности. Но говорил именно он. И видно было, что он хорошо владеет словом. Это владение происходило не от особого обучения ораторским приемам (их он как раз не применял), а от давнего опыта обращения к большому количеству слушателей.

– ...Ну а что же вы так спокойны, если обо всем этом слышали? Для вас это новость, а ведь уж пятнадцать лет прошло. Может быть, не так уж много времени вообще осталось. Да пусть и много осталось, но ведь Бог действует. Он не молчит, Он послал людям спасение, Он приблизился к ним. Он равно начал призывать всех людей, из всех народов. Как же молчать об этом? Надо, чтобы услышали все. Ведь все мы нуждаемся в его помощи, в его благодати и милости. А Он не просто послал помощь, он сам пришел. Люди думали приносить Ему жертвы,

¹ Из Деян. 16, 1 не следует однозначно, что Тимофей родился и жил именно в Листре, а не в соседней Дервии. Но именно в Листре происходят те важные события, которые могли бы свести Тимофея с Павлом и связать их узами дружбы. Не указан так же и род занятий Тимофея.

делиться с Ним или умиловать Его. А Он, видите, – приносит в жертву Сына своего. Скажите, разве вы еще не слышали обо всем этом? Первый раз от меня слышите?

Люди в толпе переглядывались, недоуменно пожимали плечами, переспрашивали друг друга. Казалось, кто-то что-то припоминал. Но вразумительно ответить они не могли. Однако, воспользовавшись остановкой оратора, хозяин гостиницы, человек грамотный, спросил проповедника:

– Ну, если Бог помогает теперь всем, то не может ли Он помочь тому, кому Его помощь нужна больше всех? Вот у нас тут есть один парень. Пожалуйста, подойди, посмотри.

У гостиницы сидел, собирая милостыню, один юноша. Он с детства не имел возможности ходить. И сейчас он напряженно слушал то, что мог расслышать из речи проповедников. На него-то и обратил их внимание хозяин гостиницы. Путники подошли к нему, за ними и все слушающие их. Высокий спросил его первым:

– Ты слышал, о чем он говорил? Верить, что Бог Израиля послал своего Сына?

Тот только кивнул.

Тогда первый, говоривший всю речь, вдруг воскликнул:

– Тебе говорю, во имя Господа Иисуса Христа встань на ноги твои прямо.

Больной удивленно хлопал глазами, а в это время высокий осторожно поднял его за подмышки и поставил на ноги. Затем тихонько опустил руки. Хромой стоял на ногах, сам не веря происходящему. Затем, опираясь на протянутые к нему чужие руки, попробовал сделать первые шаги. И получилось! Вопль удивления пролетел по толпе. Через минуту вся улица (она же – римская дорога) оживилась. Отовсюду сбегался народ.

– Славьте Бога Израиля и Сына Его Иисуса Христа, Господа нашего! – возгласил громко высокий из двух проповедников.

– Аллилуйя! – раздался из толпы голос на родном для них наречии, – Шма Исраэль...

Это была, конечно, Евника. На родном языке она не говорила уже давно, но самые святы слова, конечно, не забыла. Проповедники обернулись к ней и заметили ее, узнав родную речь, но сейчас вступить с нею в разговор было совершенно неуместно. Между тем и Тимофей оказался уже рядом.

Нарастающая толпа окружала проповедников и исцеленного юношу, шумно приветствовала их. Возгласы на греческом смешались с ликаонским наречием – родным языком местных жителей. Впрочем, проповеди у пришельцев уже не получалось. Их приветствовали, но больше не слушали. Совершенное ими действие было важнее любых слов. Но хуже было другое: большую часть из произносимого в толпе проповедники не понимали. Толпа повлекла их в сторону. Они еще не поняли, куда и зачем, пока не увидели статуи, жертвенник и лишь тогда догадались, что находятся в местном капище. Туда уже подводили бычка, увитого цветочной гирляндой.

Каким-то невероятным усилием поближе к пришельцам пробралась Евника и сумела им прокричать:

– Они приняли вас за богов, за Зевса и Гермеса, и хотят принести вам жертву!

Видимо, предстоящее действие ей самой было глубоко омерзительно и страшно. Евника все-таки верила в Бога отцов своих, и понимала, что именно его силою пришельцы совершили исцеление хромого. Те, наконец, сами понявши, что происходит, обратились к людям с той же горячностью:

– Мужички, что это вы делаете? Мы не боги, мы подобные вам люди, мы столь же немощны, как вы, мы так же терпим боль и болезни, как вы. Мы смертны, в конце концов. А юношу вашего исцелил Бог, а не мы. Это Бог Израиля, которого чтут евреи. Он сотворил небо и землю, море и все, что в них. Это единственно истинный Бог. Обратитесь к Нему! Он один только может помочь. Других богов, кроме него, не существует!

– Тогда мы принесем жертву Ему! – прокричали в толпе.

– А Ему можно в одном только месте приносить жертву, – отвечал высокий, – и место это – в Иерусалиме, где стоит единственный на земле Храм в Его честь. – И добавил, чувствуя, что люди этого не понимают. – Так требует Его собственный закон.

Но и это разъяснение не добавило ясности.

– Что ты говоришь, человек? – обратился к проповеднику муж из толпы, облаченный, как подобало жрецу. – Небеса явили нам великую милость. Ты призываешь нас остаться неблагодарными? У нас сегодня праздник. У нас божественное посещение, – и мы должны его ознаменовать богохульством? Отрицанием бессмертных богов?

Тут взял слово другой из пришельцев, лысоватый:

– Мы призывали имя нашего Бога, Бога Израиля, который явил всем народам милость через Сына своего, Иисуса, Царя и помазанника над Израилем. Его именем этот человек был исцелен. Сколько вы прежде ни приносили здесь жертв вашим богам, ничто не помогало этому юноше. Рассуди же сам, кто тут Бог.

– Значит, вы имя того же бога узнали как-то лучше, – парировал жрец.

– Нет. Разве ваш бог сотворил небо и землю? Подлинный Бог сотворил все, и видимое, и невидимое. Он сотворил и человека. Он сотворил наши руки и ноги. Он же и выправил ноги этому юноше. Кто их творил, тот их и исцелить может, правильно?

Жрец немного растерялся. Пришелец закреплял успех:

– Издревле предки всех людей знали одного Бога. Но потом многие отступили от Него, и поклонились другим богам, солнцу, луне, стихиям. Представили Бога в виде птиц или четвероногих, жующих траву или поедающих плоть четвероногих жертв. И Бог попустил людям это, но Он не перестает свидетельствовать о себе. Во всех творениях видна его премудрость.

– И все-таки, тебе не страшно остаться неблагодарным? Если ты сам не бог, – не сдавался жрец.

– Наш Бог сотворил всех скотов полевых. И этого бычка. И Ему не нужно кушать бычков. Он не кровожаден. Он щедр и дает дожди и плодоношение земли всем людям, даже если они Его уже забыли. А хотите быть благодарными – верьте в Него и прославляйте имя Его.

– И все на этом? Так что ли? – жрец, похоже, искренне не понимал, как Бога может удовлетворить одна словесная благодарность.

– А что еще может дать человек Богу, если и сам человек от Бога получил все? Начиная от своего тела и кончая каждым вздохом и глотком воды? – пришелец укладывал все свои слова как бы стрелы, каждую точно в свою цель. – Вот всякий раз, как садитесь за трапезу, благодарите Господа, Творца неба и земли, за то, что посылает нам пищу. Нам и не только нам, но и всем людям, по лицу всей земли, во всей ойкумене, варварам, индийцам, скифам и гипербореям – всем-всем. И скотов, и зверей полевых, и птиц, и рыб – всех питает Его щедрость. На всех у Него хватает благости. Вот и благодарите Бога об этом каждый раз.

– Мы и собирались здесь благодарить бога, – пробурчал жрец уже как-то неуверенно, – но благодарить при всех, чтобы все слышали и видели.

– Но ведь вы же сами и скушаете этого бычка, которого вам послал тот же Единый Бог, ведь нет другого. Ну и скушайте бычка с благодарностью и с целомудрием, без всяких плясок в честь богов не существующих. Если нас и посетил Бог сегодня, то это Бог не сего жертвенника. Бога этого жертвенника мы не призывали.

Последние слова проповедника прозвучали отчетливо в наступившей тишине, и, похоже, дошли до разумения слушателей. Тишину нарушил вопль исцеленного юноши, который оказался в толпе поближе к проповедникам:

– Слава и величие Богу, сотворившему небо и землю! Он дарует нам урожай, а мне подарил сегодня ноги ходячие!

– Аллилуйя, – воскликнули Евника и Тимофей.

Радости и энтузиазма в толпе сильно поубавилось. По сути, получалось так, что у людей отобрали намечавшийся шумный и веселый праздник, который обещал быть чем-то более значимым, нежели даже исцеление хромого юноши. Тут слово вставил высокий пришелец, который, похоже, догадался о причинах общего разочарования людей:

– Мужи и жены! Все равно у вас сегодня праздник. Бог посетил ваш город, Он явил свою благодать вашему соседу и всем вам. Благодарите его, поздравляйте друг друга. И пищу кушайте с благодарением. Если желаете, то и бычка этого приготовьте и скушайте, благодаряще Бога. Только не здесь, ладно? Богу, Который помог вам, не понравится, если вы чтите здесь другого бога. Давайте с миром разойдемся пока по домам. Обдумайте, что вы здесь видели и слышали. На сегодня с вас хватит, а нам тоже надо пока отдохнуть.

Праздник был испорчен, но делать было нечего. Люди стали расходиться. Спорить с пришельцами, обладающими таинственной духовной силой, местным жителям, включая жрецов, не хотелось. Мало ли что может им не понравиться? Одного хромого сделали ходячим, – разве не смогут они десяток ходячих сделать хромыми? Той же самой силой. Ведь испортить здоровье наверняка проще, чем его поправить. Логика этих рассуждений, должно быть, была примитивной, но в этом примитиве заключалась та спасительная разумность, тот элемент здравого смысла, без которого никогда не добратся до чего-то более высокого.

Тут только Евника, схватив сына за руку, представилась пришельцам:

– Меня зовут Евника, а это мой сын Тимофей. Я иудейка, чту Бога отцов наших. Хотя и давно уже живу здесь. Войдите в мой дом, будьте гостями.

– Меня зовут Шауль, а по-римски, Павел, – отозвался тот из пришельцев, что был пониже ростом, – а это – Иосиф. В Иерусалиме благочестивые мужи дали ему прозвище Варнава, сын утешения.

Высокий поклонился, а Евника улыбнулась ему:

– Ну вот, и принесете утешение нашему дому.

С ними же двинулся к дому Евники и исцеленный юноша. Его звали Гермас. По дороге он пояснил некоторые подробности происшествия.

– Видите ли, гости-иудеи, здесь получилась такая история. Вот Иосиф, своей внешностью и осанкой напомнил здешним жителям известную статую Зевса, работы Фидия. А меня назвали в честь греческого бога Гермеса. Вот и решили местные, что один из вас – Зевс, а другой – Гермес, раз помог названному в его честь.

– Видишь, Шауль, мы с тобою теперь ожившие статуи, – засмеялся Варнава. – Кажется, в такой роли нам бывать еще не приходилось.

Шауль, улыбнувшись, отозвался более серьезным тоном:

– Главное, чтобы из этих камней, – он обвел рукой расходящихся людей, – созидались дети Аврааму. Нам это было обещано, не помнишь?

В дом Евники собралось несколько человек. Соседки успели сбегать домой и принести кое-какие угощения для гостей. Павел и Варнава непрестанно рассказывали им об Иисусе и его новой вере, которая была исполнением старых пророчеств. Собравшиеся внимательно слушали. Разошлись только под вечер. Увели и Гермаса, поддерживая его еще пока под руки. Ноги его не болели, но он еще только учился ходить.

Наутро Павел взялся помочь Тимофею месить его глину. Дело это долгое и требует терпения. Глина в земле всегда лежит полусухая, смачивается она медленно. Две-три недели в одном и том же корыте нужно мешать ее каждый день. Только после этого можно будет из нее что-то лепить. При этом нужно удалить прочь все мельчайшие камешки и все комочки извести. Малое вкрапление извести при обжиге – и весь глиняный сосуд непременно разорвется прямо в печи.

– Вот видишь, – говорил Павел, терпеливо перебирая и растирая комочки руками, – и мы с тобой такая же глина в руках Творца. Он может из нее делать разные сосуды, какие захочет сам. Наше дело – выдержать жар печи и не взорваться при обжиге.

– Мы все разные, потому что Он нас делает такими разными? – спросил Тимофей, отжимая из глины лишнюю воду.

– Конечно. Но мы – сосуды живые. Выдержим и круг гончарный, и обжиг – будем полезными для Него сосудами. Для почетного употребления. А кто-то и для низкого. Все в Его воле.

– А ты говорил, что Бог примет нас своими сынами?

– Да. Но это будет только с теми, кто сможет прежде осознать себя глиной в руках Всемогущего Гончара. Вот видел, как мы вчера говорили им, что Бог послал своего сына, что Он любит их, как детей. Нас самих произвели в ложные боги. Потому что они Божьей глиной себя никогда не чувствовали. Ходили в похотях сердец своих, не замечая, как от Творца зависят и путая Творца с Его творениями.

– А как же нам почувствовать себя Божьей глиной? – спросил Тимофей.

– Я думаю, – отвечал Павел, – людям помогал в этом Закон. Только на Законе останавливаться нельзя. Человек все-таки дороже Богу, чем тебе твои горшки. Ты отдашь их маме, чтобы продала на базаре, а Бог нас не продаст и не бросит. Он за нас уже заплатил дорогую цену – своего Сына. Горшок не станет тебе сыном, а мы с тобой станем детьми Божиими. Чтобы сообщить это людям, мы и посланы самим Иисусом.

Тут Павла пригласили к гостинице. Оказалось, что пришли некие иудеи из того же соседнего города Иконии, откуда днем ранее явились посланники Иисуса. Теперь они, так сказать, вызвали Павла на состязание. Тимофей, отмыв руки от глины, последовал за своим гостем.

Пришедших иудеев было пятеро. Но они были достаточно горластыми и наглými. Говорили и наперебой, и по очереди. Вставить слово кому-то другому не давали. И все их речи были направлены против посланников Христа.

– Нечего слушать этих лжецов, – обвиняли новые пришельцы Павла, – они сами не знают, что проповедуют. Да, был такой человек, Иисус из Назарета. Да, он выдавал себя за Сына Божьего. Ну и что? Его же распяли, как смутьяна, – и жизнь идет своим чередом. Он претендовал на царство, а в царстве ничего не изменилось после его смерти. Антипа и Филипп, местные цари в Палестине, царствовали и при нем, и после него, пока их не сместил Гай цезарь. Цезарей тоже Иисус не смещал. Даже римского прокуратора в Палестине не сместил. Все шло без него. Какой же он царь? Он самозванец. А этот Шауль – он вообще двойной самозванец. Он с Иисусом даже не ходил. Он его при жизни вообще в глаза не видел. И несколько лет проповедовал против него. Теперь он об этом вам не сказал? И не скажет. А мы знаем, мы в Иерусалиме были. Иисус – отщепенец, осужденный нашим синедрионом. А Шауль – просто шарлатан и предатель. А может, такой же колдун, как Иисус. Теперь он ходит по всем синагогам рассеяния и отвращает людей от Божьего закона.

– Вчера он говорил нам, что наши боги не существуют, а есть только Бог иудеев, – вставил жрец.

– Да, – охотно согласились иудеи, – вам он говорит, что нет ваших богов. А в синагоге нашей он говорит, что наш Бог сам свой закон отменил. Бог без своего закона – вообще, уже не Бог. Так что все ясно: Шауль – колдун и безбожник. Гнать его надо отсюда вразней. А вы еще его тут слушаете, уши развесили. Это враг всей вселенной, всех порядочных людей. Он всем богам насолил, какие только есть, и каких нет.

Тщетно Павел пытался их прекричать:

– Братья, я не скрывал, что Иисус был распят, но Он воскрес из мертвых, и я видел его живым. Я, как и они, не поверил бы Иисусу, если бы Он не явился мне живым. Он выбрал меня для этой задачи: нести весть его всем людям... – закончить Павлу не дали.

Не успел Тимофей тут вспомнить про то, что глиняные сосуды делаются для разного употребления по выбору горшечника, как тут выступил хозяин гостиницы Афродисий.

– Подождите, выслушайте, – прокричал он, – прекратите галдеж, я с самого начала тут был, все речи слышал. Вот вчера, на этом самом месте, – он показал рукой, – у нас сидел Гермас, хромой юноша, с детства не ходивший. И вот, этот Павел именем Иисуса при мне поставил его на ноги, так что все видели, как больной пошел своими ногами. Вот вы, – обратился он теперь к иудеям, – можете сделать то же самое? Да еще проще! Вот скажите прямо здесь у меня перед глазами, чтобы именем вашего Бога или каких-то других богов, пусть этот лжец Павел, если он лжец, охромееет вот на этом месте! Прикажите именем каких угодно небес, чтобы он сел вот сейчас на место Гермаса. Пусть милостыню собирает, и кончит лгать на весь свет! Тогда уж будьте покойны, он от моей гостиницы далеко не уйдет. И вам не придется за ним гоняться. Согласны? Давайте!

Толпа загудела со спортивным азартом. Предложение показалось ей занимательным. Иудеи на мгновение загнулись, но тут старший из них собрался с мыслями и ответил:

– Мы не можем и не должны упражняться в колдовстве и подражать колдуну. Иначе завтра в колдовстве обвинят нас самих. Для борьбы с колдунами хороши человеческие средства. Колдунов надо бить. Бить чем попало: ногами, камнями, палками. Они не могут противиться простым человеческим средствам. И это правильно! Так Бог устроил, чтобы люди колдунов не боялись и сопротивлялись их чарам. Сами посудите: если эти люди посланцы богов, то боги за них заступятся.

Пока он кричал, четверо других уже окружили Павла. Афродисий, видя, к чему дело идет, закричал, обращаясь, в основном к своим:

– Дураки, не вздумайте послушаться этих пришлых евреев! Не хотите сами охрометь? Не лезьте! И потом не жалуйтесь, если у вас что случится. Свои ноги переломаете, или молния в крышу попадет. Они призвали вас Бога побояться – так вы и побойтесь.

Если они сами при этом не боятся – это их дело, а не наше.

Но Афродисия многие не послушались. По-видимому, большим авторитетом пользовался жрец, вполне согласный сейчас с иудеями, которые его самого, безусловно, тоже считали колдуном, но пока его так не называли.

Павла потащили куда-то, выкрутив руки. Тимофей попытался броситься на помощь, но получил такой удар по голове, что на какое-то время отлетел в сторону и потерял ориентировку. Придя в чувство через несколько секунд, он сообразил, что нужно предупредить Иосифа Варнаву, потому что и ему грозит то же самое. Афродисия рядом он не увидел. Насколько позволяла боль в голове, он поспешил домой. Но его опередили. У порога он увидел Варнаву и с ним еще двух мужчин, вооруженных палками, которые выбегали из дома. Все вместе бросились на выручку Павла.

Тимофей бежал-ковылял, отставая, поскольку никак не мог еще оправиться от удара по голове. Когда он все-таки догнал остановившихся Варнаву и его спутников уже у самой околицы, те стояли над поверженным и бездыханным телом Павла, и не знали, что делать. Тимофей заплакал и опустил на колени. Видно было, что Павла сильно избили, голова его заплывла от удара камнем. Дыхания не было заметно. Тимофей с Варнавой перевернули его лицом к солнцу. Похоже, жизнь покинула его тело. Нападавшие тоже скрылись куда-то, заметив погоню.

В одно мгновение перед Тимофеем прошла в памяти фигура исцеленного Гермаса. «Господи, за что же так получается, что исцеленный здоров, а исцеливший мертв?» И вдруг Тимофей воскликнул вслух сквозь слезы:

– Боже, если Ты и вправду воскресил Твоего Сына, если он и вправду являлся Павлу, то оживи его, воскреси его самого! Ведь он нужен Тебе, он нужен всем нам.

Рядом опустил на колени и взмолился Варнава. Он шептал на незнакомом Тимофею языке. Лишь по отдельным словам Тимофей отгадал родной язык своей матери.

Вдруг Шауль застонал и зашевелился. Варнава ткнул Тимофея в бок:

– Быстро неси сюда воды!

Пока Тимофей соображал, как местный житель, где тут поближе до колодца, Варнава поднял Павла на руки и поволочил его к дому Евники. Он был значительно выше и сильнее Павла, так что мог нести его на себе.

Павел смог заговорить лишь к утру. Конечно, Евника сделала все возможное. Вместе с местным знахарем приложила все примочки, травы и растирания. Милостью Божией обошлось без переломов костей. Но было ясно, что человеческих сил тут бы не хватило. Заодно помогли и Тимофею с его ушибом головы. И Варнава, и Тимофей, и Евника, и даже бабушка Лоида всю ночь по очереди дежурили возле пострадавшего.

Когда Павел открыл глаза, рядом был его спутник. Отпив воды, Павел спросил:

– Где мы?

– У Евники, – ответил Варнава.

– А где Тимофей?

– Да здесь он. Это он тебя молитвой своей вытянул.

– Я знаю, – простонал Павел. (Тимофей был уже рядом с постелью; кстати, это была его кровать, сам он последние две ночи спал в сарае).

– Спасибо, Тимофей, – продолжил Павел. – Да хранит тебя Господь и воздаст тебе за доброту. Я потом тебе отвечу... Потом скажу...

Тимофей молча глотал слезы. Он встретился взглядом с учителем и подивился тому миру, спокойствию и ясности, что струились из глаз Павла.

Между тем именно с глазами Павлу было труднее всего. Один глаз совсем заплыл от удара, то ли кулаком, то ли камнем. Но Павел упорно обращался именно к Тимофею так, словно тот только что донимал его какими-то расспросами и сомнениями.

– Все хорошо, Тимофей, все так и должно было быть. Не сомневайся, Бог с нами.

– Я не сомневаюсь, – только и выдавил Тимофей, вытирая слезы, – уже не сомневаюсь.

Весь день Тимофей работал во дворе со своей глиной, тщательно следя, чтобы не пришел никто лишний. Впрочем, было спокойно. Приходил только Гермас, причем на своих ногах, уже никем не поддерживаемый. Благодарил и не знал, чем только мог бы послужить своему благодетелю.

– Больше всего за глаз его опасаемся, – сказал Тимофей. – Кажется, его сильно повредили.

– Если бы я мог, я бы свой ему отдал, – отозвался Гермас, – за свои две ноги.

Потом еще тихонько пришел Афродисий. Он сообщил, что эти иудейские разбойники бежали, и больше пока не появлялись.

– Как ни суди, но они же понимают, что это убийство, и при поимке пришлось бы отвечать.

– Да кто бы тут хватился о пришельце? – удивился Тимофей.

– Не говори, тут не так все просто. С ними был Димас, мой сосед, он потом говорил, что слышал, как они, переговаривались между собой. Оказывается, этот Павел – римский гражданин. А убить римского гражданина – штука опасная. Они и постарались все чужими руками сделать. – И помолчав, Афродисий добавил, – если что понадобится, обращайся.

Вечером Павел смог говорить уже яснее. Жар у него прошел, сознание прояснилось.

– Вы знаете, – говорил он Евнике, Лоиде и Тимофею, – эти злодеи сказали частично и правду. Я был гонителем этого пути, я гнал учеников Иисуса. Как-то в Иерусалиме был суд над одним из них. Его звали Стефан. Суд закончился расправой без приговора. Стефан сказал, что он видит открытые небеса и Иисуса одесную небесного престола. За это его стали бить

камнями, как меня вчера. Но его убили насмерть. А я тогда одобрял его убийство и стерег одежды его убийц.

И вот, теперь я прошел через то же испытание. Я ведь, по-видимому, действительно умер. Когда меня ударили последний раз, я уже не помню, что было. Но вдруг я увидел себя на прекрасной поляне, а надо мной склонился этот самый Стефан. С тем же лицом, как у Ангела, как тогда на суде. И говорит: «Мир тебе, брат Шауль. Вот и ты здесь. Бог простил тебя и я прощаю. Мы будем вместе, но не теперь. Тебе еще Бог судил потрудиться в благовестии. Да и Тимофей оттуда тебя зовет». И вновь на меня навалилась боль, которой я какое-то время не чувствовал. Я понял, что я вновь в своем избитом теле.

И он добавил с каким-то особым теплом:

– Тимофей, Бог вернул меня тебе по твоей просьбе. Чтобы ты не сомневался, что Он воскресил и Иисуса. Теперь ты веришь?

– Верю, – твердо ответил Тимофей.

– А чему ты веришь?

– Что Он воскресил и Иисуса, и тебя.

– Это хорошо, – сказал Павел, – но это не все. Верь, что любящим Бога все содействует ко благу. Хочешь быть учеником Иисуса – ты будешь исцелять других, ты будешь раздавать жизнь. Один воскресенный из мертвых на твоём счету уже есть, – он слабо улыбнулся. – Но при этом тебя тоже будут бить, а сам себе ты здоровья не выпросишь.

– Это почему? – удивилась Евника.

– Потому что здоровье ему вымолишь ты, – снова улыбнулся Павел. И добавил очень серьезно. – Таков путь самого Христа в славу. Он исцелил массу людей, но ни разу Его чудодейственная сила не пришла на помощь Ему самому. Так о нем было сказано пророком: Он носит наши немощи, он болеет нашими болезнями. Он страдал за наши грехи. Боль ему причинили наши беззакония. Он пострадал за меня еще до того, как я причинил зло его ученикам. Когда мы помним об этом, мы сами несем и веру, и благую весть, и исцеление другим. А они понесут еще дальше. Так что, когда Он скоро вернется, все люди во всех концах услышат весть о нем.

– Скажи, Павел, – спросил Тимофей, – а как же ты был гонителем христиан и вот этого Стефана, а потом сам стал верующим в Иисуса? Что произошло у тебя?

– Меня призвал сам Господь Иисус. Дело было так. Я шел с письмом от синедриона из Иерусалима в Дамаск, чтобы в местной иудейской общине тоже начали преследовать учеников Иисуса. И вот уже на подступах к Дамаску внезапно перед нами засиял неопиcуемый свет, от которого я потом потерял зрение на какое-то время (оно и до сих пор не восстановилось). Но в этом свете передо мною предстал сам Сын Божий. Он сказал: «Шауль, что ты гонишь меня? Это так же трудно, как самому на острие лезть». Я спросил: «кто ты?». Он ответил, «Я – Иисус, которого ты гонишь». Он говорил со мною, как Господь с рабом, но Он не упрекал меня, не угрожал. Казалось, Он даже пожалел меня. Я понял, что это Он сам, воскресший из мертвых. И Он повелел мне стать свидетелем всего, что я видел. После этого видения я ослеп и лишь с поводырями добрался до Дамаска. А там меня нашел один местный верующий брат, рассказал мне об Иисусе все, что знал сам. И тогда же он меня крестил. После крещения я снова стал видеть, но хуже, чем прежде. Но главное, в памяти моей навсегда запечатлелся его кроткий взгляд, Его неизмеримая милость. Я был врагом Ему – и этим вредил самому себе. А он избавил меня от моей же собственной злобы. Его доброта навсегда изменила меня.

Он помолчал и добавил:

– Ты понял, Тимофей? И теперь не произошло ничего необычного. Произошло то, что и должно было произойти. Я был в долгу перед Стефаном. Теперь мы увиделись с ним. Он простил меня. И поверь, мне стало гораздо легче. Я верю, мы увидимся снова. Будем все вместе. А пока знай, что нужно не просто поверить, что Иисус – Сын Божий, то есть Царь Израиля. Нужно поверить, что за Его страдания нам простятся старые грехи, и сами мы обновимся. В

том и оставление наших согрешений, когда мы оставим свои грехи, а грехи эти оставят нас. Когда такое случается, это и значит, что человек стал Христовым, а во Христе – Божиим.

Слова эти запали Тимофею в душу. Память еще не раз подсказывала ему прошедшие грехи юности, а совесть обличала за них. И он молился вместе с апостолами, чтобы Бог простил его через страдавшего Иисуса Христа.

Павел поправлялся еще несколько дней. В городке было спокойно. Кроме Афродисия и Гермаса, вообще, никому не говорили, что он еще жив. Те разбойные иудеи перед своим бегством из Листры сами растрясали по городу новость, что Шауль убит, причем, разумеется, руками местных жителей. И чтобы не навлекать подозрений, все местные словно воды в рот набрали о его судьбе.

Впрочем, это было на руку нашим героям. Варнава потихоньку проповедовал в мастерской Тимофея, но не во всеуслышание на площади, а среди тех, кто к нему приходили сами. Это были люди, уже слышавшие проповедь апостолов в первые дни. Обычно у них хватало такта не расспрашивать о судьбе Павла, об обстоятельствах его погребения.

Тимофей и сам нередко слушал разговоры Варнавы с жителями. Вскоре он уже много знал о жизни и проповеди Иисуса, об обстоятельствах суда над ним, о свидетелях Его воскресения. Мать и бабушка тоже верили Павлу и Варнаве. Они особо оценили ревность апостолов о том, чтобы верующие их проповеди уклонялись от жертв и всякого иного служения мертвым богам.

У Тимофея подошел тяжелый и торжественный день в его ремесленном расписании: день обжига. Предварительно выжатая на круге и высушенная глиняная посуда проходила испытание и закалку огнем. Чтобы создать в печи нужный жар, заранее запасали дрова и уголь, а во время обжига требовалось непрерывно качать мехи. Помощь Варнавы оказалась очень кстати.

– Огонь испытает дело каждого, каково оно, – говорил Павел Тимофею, сидя рядом с печью и пока еще не имея сил помогать гончару. – Из одной бадьи взята глина, на одном круге и одним мастером превращена в посуду, но только огонь разберет, какой сосуд годен. Одни сосуды станут прочными и потребными на все, другие разобьются. У тебя обычно много ли горшков трескается при обжиге?

– Да, случается, – отвечал Тимофей с дрожью в голосе. Он понимал аналогию, но ему сейчас было не до нее.

– Ну вот, так и люди. Пока в печку не сунули – два горшка одинаковы, не отличить друг от друга. Огонь все покажет. Так и нас проверяет огонь. Одних утверждает, других разломает. Так и день Господень. Да и любой день испытания нашего.

– Все так, я согласен, – ответил Тимофей. – И все-таки, отцы мои, помолитесь об успехе нашей работы сегодня. Уголь добыть дорого, глины ушло много. Уж сама работа не в счет. Если много посуды испортится, тяжело нам всем придется.

Он подбрасывал уголь, качал меха попеременно с Варнавой, поглядывал одним глазком в щелку печи, как делал это прежде отец, чтобы оценить степень жара в камере обжига. И все время с трепетом прислушивался, не раздастся из камеры зловещий треск. Но и Павлову мысль он прогнать не пытался.

«Да, в тот день будет еще более беспокойно и трепетно», – думал он.

Он продолжал работу, глядя за тенью колышка и заранее отметив на земле уголок, на котором она должна повернуться. С полдороги Тимофей прикинул, что угля может не хватить на все время топки, подсунул дрова посуше и потоньше. «Выдержала бы печь, выдержала бы посуда, вот уж право, судный день для любого горшечника».

Вот, наконец, можно было остановиться и перестать качать. Угля хватило. Слава Богу! Вытерли пот, омыли руки и лица. Но результат можно будет увидеть только поутру. Посуда

всю ночь остывает вместе с раскаленной печью. Тимофей на ощупь проверял, как она нагрета. Вроде, как обычно. Но это еще мало о чем говорит.

Утром, когда с трепетом открыли печь, вздохнули с облегчением. Все получилось вполне удачно, брака почти не было.

– Вот, Тимофей, благопотребен ты и для труда твоего, и для Царства Божия, – похвалил мастера Варнава, и юноша расплылся в улыбке. Немного было у него самостоятельных обжигов на счету, и этот был самым удачным.

Через несколько дней, когда Павел уже шел на поправку, Варнава предложил им всем креститься во имя Господа Иисуса Христа. Афродисий, Гермас и еще человек десять мужчин и женщин тоже уверовали и захотели креститься.

Чтобы не привлекать внимания, Варнава разделил их на две группы. В два разных дня отдельно крестил мужчин и отдельно женщин в источнике за городом. Теперь в Листре появилась христианская община.

После крещения Павел сообщил и нечто новое для всех. Он сказал:

– Братья и сестры, нам с вами надлежит еще сделать одно важнейшее дело. Мы рассказывали вам о страдании Господа Иисуса и его воскресении, но не сказали о том, что было позже, и что очень важно для всех нас. Теперь мы, несмотря на опасность, идем по всем тем общинам, где благовествовали, чтобы помолиться о верующих и чтобы Господь дал всем вам дар Святого Духа.

– А что это такое? – спросили сидевшие.

Ответил Варнава, поскольку он был непосредственным свидетелем и участником.

– Когда Иисус воскрес и отошел от верующих на Небеса, то через десять дней, в праздник дарования закона, он послал своим ученикам чудесное знамение. Когда они были собраны вместе, внезапно над ними появились как бы языки пламени, и они внезапно стали благословлять Бога на тех языках, которых никогда не учили. Случившиеся рядом пришельцы, иудеи, собравшиеся в Иерусалим на праздник из разных стран, услышали речь на языках тех народов, где они живут. Это было знамением того, что теперь люди, говорящие на всех языках земли, будут на этих языках славить Бога и придут в Его царство. Я тоже сам видел это знамение. Важно, что Иисус, еще до вознесения на небо, предупреждал учеников, что они получат особую силу, когда сойдет на них Дух Божий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.